

«ХАРАКТЕР ПЕРЕЖИВАЕМОЙ ЭПОХИ»

Автограф незаконченной статьи Слепцова, начинающейся словами «Книжная торговля никогда не была у нас очень выгодным предприятием...», сохранился в бумагах писателя, отобранных у него при аресте. Рукопись черновая. Она не имеет ни заглавия, ни даты; в ней зачеркнут ряд мест, сделаны некоторые перестановки. Предназначалась статья, видимо, для «Современника», датировать ее следует второй половиной 1865 г. Основанием для датировки служит прежде всего начало статьи, где содержится намек на «Очерки нижегородской ярмарки» В. Безобразова, напечатанные в майской книжке «Русского вестника» 1865 г. Именно в этих «Очерках...» говорилось о том, что книжная торговля предприятие невыгодное и что на Нижегородской ярмарке литературные произведения шли очень плохо («убогая торговля», «книги — самый неходовкий у нас товар»). Слепцов использовал здесь (как он это часто делал в полемических целях) тезис и материалы определенного литературного выступления.

Тема «книжной торговли» и «упадка беллетристики» для писателя лишь частная тема; однако и этот частный вопрос давал ему возможность судить о характере эпохи. В одном из писем Слепцова к М. А. Маркович читаем: «Время теперь такое — не до беллетристики. Наступает опять пора патриотических стихотворений, а художественные произведения идут плохо» (ИРЛИ, ф. 9526, LVI б. 45). Рассуждение об «охлаждении к литературе» является в статье экспозицией к главной теме.

Слепцов ставил задачей дать общую оценку русской действительности периода надна крепостного права и «определить свойства движения» шестидесятых годов. Автор поднимал важные вопросы философии истории, намечал программу поведения демократов в тех условиях, когда уже нельзя было сомневаться, что на данном этапе победила реформа, а не революция.

Незавершенность статьи и зашифрованность ее (в связи с особой остротой социально-политического содержания) несколько затрудняет понимание публикуемого текста. Попытаемся прокомментировать основное его содержание.

Поставив широкую задачу — понять «характер переживаемой эпохи», Слепцов подвел итог наблюдениям над русской жизнью последнего десятилетия (1855—1865). В статье имеются прозрачные намеки на такие исторические события, как поражение в Крымской войне («неожиданная беда», произведшая «всеобщий переполох») и на последовавший за тем общественный подъем в стране, сменившийся реакцией.

Писатель стремится понять «логику» этого «трудного времени», причины и закономерности событий. Он предлагает свое определение «переходной эпохи». В его истолковании — это эпоха революции, период, основное историческое содержание которого характеризует «решительное стремление освободиться от разных задерживающих развитие условий, стремление, оканчивающееся победою новых начал над старыми принципами». Это время, когда терпят крах идеи, положенные в основание исторически устаревших общественных институтов (обрядов, «которыми все тяготеет, но не исполнять не решаются»). Лишь в «переходную эпоху», в условиях победы революции возможен переход к коренному преобразованию, к водворению «другого, более плодотворного и более справедливого порядка вещей» (социализма).

Писатель-демократ высказывает сожаление, что некоторые обстоятельства лишают («помимо нашего желания») эпоху падения крепостного права того «исключительного характера, который многим кажется несомненным...», т. е. характера совершившейся революции. Переживаемый исторический момент, когда в русском общественном движении кончился период революционно-разночинской «бури и натиска» первой половины шестидесятых годов, автор называет лишь эпохой «брожения»; «...мы не делаем скачков (революции), т. е. не делаем именно того, за что нас одни бранят, а другие хвалят», — констатирует Слепцов. Для последовательного демократа реформы, произведенные «сверху», — «пустяки». Они — результат компромисса, «делок с обстоятельствами», лавирования, — что Слепцов называет словом «разврат». Славословие реформам, «произведенным властью», — «пошлые восклицания».

Известная историческая ограниченность взглядов писателя сказалась в том, что он усматривает в крестьянской реформе только следствие переворота, «произведен-

**ЗАПРЕЩЕННАЯ КАРИКАТУРА,
БЫСМЕИВАЮЩАЯ ЛИЦЕМЕРНЫЙ
ХАРАКТЕР ПОЛИТИКИ РЕФОРМ**

— Мне помнится, что кто-то очень нехлестно выразился, что мы еще не созрели до законности.

— Зато другой кто-то сказал лестное слово: «Законность нас губит».

Рисунок Н. А. Степанова.

Предназначался для журнала «Искра»,
1862—1863 гг.

Публичная библиотека

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

«КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА У НАС ОЧЕНЬ ВЫГОДНЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ...»

Книжная торговля никогда не была у нас очень выгодным предприятием, да и теперь, несмотря на «быстро возрастающую в народе охоту к чтению», идет довольно вяло. В особенности жалуются книгопродавцы на так называемые чисто литературные произведения. В нынешнем году на Нижегородской ярмарке, говорят, беллетристика шла очень плохо. Некоторые наблюдатели объясняют это тем, что будто бы общество, не находя в литературе ответов на разные жизненные вопросы, становится к ней все более и более равнодушным и начинает все чаще и чаще обращаться к положительным знаниям в надежде найти там разрешение своих вопросов. Люди же, постоянно следящие за историей литературы в Европе, наблюдали, говорят, подобное же явление в разное время и на Западе, где будто бы упадок беллетристики всегда служил твердым признаком возрождающихся требований на книги научного содержания.

Кроме того, относительно беллетристики существует еще такого рода вывод, основанный на наблюдениях: спрос на беллетристику всегда находится в тесной зависимости от степени благоденствия страны в данную минуту и притом в следующей оригинальной пропорции. Наибольшие требования не только на беллетристику, но и искусство вообще замечаются в два совершенно различных и даже противоположных друг другу момента: во-первых, во время сильнейшего угнетения и, во-вторых, в пору наибольшего нравственного материального довольства. Таким образом, положительные крайности, рабство и свобода производят на литературную деятельность, как видно, одинаковое влияние, т. е. возбуждают ее. Что же касается так называемых переходных эпох, то они в этом отношении отличаются равнодушием к изящному вообще, следовательно, и к беллетристике.

Но все эти выводы и наблюдения очень мало объясняют причину того охлаждения к литературе, которое замечается у нас в последнее время. Переживаемую нами эпоху можно, пожалуй, назвать и переходною, в том смысле, <что она>, как и всякая эпоха, составляет переход от одного порядка вещей, уже пережитого, уже устарелого, к другому, еще не испытанному. <Но> под именем «переходная эпоха» историки привыкли понимать не простое пересыпание из пустого в порожнее или механическое перемещение из кулька в рогожу, а нечто другое. Названием «переходной» эпохи обозначают обыкновенно такую <эпоху> в жизни народа, которая выражает собою решительное стремление освободиться от разных задерживающих развитие условий; стремление, оканчивающееся победою новых начал над старыми принципами и водворением другого, более плодотворного и более справедливого порядка вещей. После такого события обыкновенно наступает усиленная лихорадочная деятельность; отношения людей друг к другу становятся более определенными, недоразумения разъясняются, лучшие люди чувствуют себя как будто возрожденными, дрянные же, напротив того, убиты и уничтожены; умственное развитие начинает делать быстрые успехи; целые массы разного рода общественных дел, считавшихся давно решенными, вдруг всей тяжестью своей обрушиваются на головы возрожденным, и тут только оказывается, что до сих пор никто ничего не делал и что нужно начинать все сначала.

В этом смысле обстоятельства, сопровождавшие известную правительственную меру, имевшую целью уничтожение рабства в России, могут быть названы началом переходной исторической эпохи, хотя эти обстоятельства в данном случае были вызваны не силою общественного сознания, а явились только следствием переворота, произведенного властью.

«СБЛИЖЕНИЕ С НАРОДОМ (УЕЗДНАЯ СЕНА)».

Запрещенная карикатура на пореформенные порядки в провинции

Подпись слева: «— Эх-ма, братцы! Станем жить не тужить, Подпись справа: «— Вот тебе, вот тебе: еще смешь грубить! — Ай-да барин! Знатно, не по-нашенски!»

В с е п о ю т: „Ай вы сени, мой сени!“».

Рисунок Н. В. Иевлева. Предназначался для журнала

«Гудок», 1861—1862 гг.

Русский музей, Ленинград

Но, несмотря на это, все-таки меры, подобные упомянутым выше, действительно, могут вызвать сильное движение. Они заключают в себе силу, способную будить заснувшие силы народа. И это пробуждение может быть очень полезно, особенно если реформы произведены сознательно; если предугаданы последствия и заранее приняты все меры, способствующие дальнейшему движению вперед*.

Впрочем, об этом предмете можно поговорить немного пространнее. Вопросы о разных реформах, так называемом современном вопросе, несмотря на бездну писанных об них статей, разработаны у нас чрезвычайно плохо. До сих пор к нашим рассуждениям об общественных нуждах всегда примешивалось столько лишних и довольно пошлых восклицаний, что из-за них не видно было сущности дела. Заговорив, например, о каком-нибудь предмете, по нашему мнению, очень важном, мы больше говорили о тех чувствах, которые возбуждает в нас сознание всей важности этого предмета, и по этому случаю сейчас же начинали прикидываться или восторженными, или негодующими, смотря по обстоятельствам. Предмет же, вызвавший в нас эти благородные чувства, разумеется, ничего не выигрывал и оставался по-прежнему нерешенным. И это будет продолжаться до тех пор, пока мы не освободимся от этих вовсе не нужных личных чувств и субъективных ощущений, т. е. до тех пор, пока мы не поставим интересующего нас вопроса на историческую почву.

Заговорив о переживаемой нами эпохе и отказавшись назвать ее в строгом историческом смысле «переходною», необходимо указать на те обстоятельства, которые, помимо нашего желания, лишают ее того исключительного характера, который многим кажется несомненным, другими словами, необходимо доказать, что мы не делаем скачков, т. е. не делаем именно того, за что нас одни бранят, а другие хвалят. [Чем больше всматриваешься во все окружающее, тем более и более приходишь к убеждению, что так называемое русское общество вовсе не находится в том историческом моменте, который услов<имся> называть *переходною* эпохою. Брожение есть действительно.]

<Но> брожение еще не значит переход. Переходят обыкновенно от чего-нибудь уже изведенного к чему-нибудь, хотя еще не изведенному, но уже более или менее ясно сознанныму, или, по крайней мере, всеми желаемому. Замечается ли у нас что-нибудь подобное? Нет. Что же у нас замечается? Здесь опять-таки необходимо остановиться и условиться относительно значения одного слова.

Это слово — *общество* — слово, ежеминутно употребляемое при самых разнообразных обстоятельствах, а потому не выражающее собою резко определенного понятия. Под этим словом одни разумеют петербургскую, а другие московскую публику, третьи — людей, пользующихся разными юридическими и экономическими преимуществами, четвертые — неудовлетворенный привилегированный класс и относят сюда не только столичных жителей, но и так называемый образованный класс вообще; пятые расширяют это понятие еще больше и втискивают в него: купечество, духовенство и разночинцев, одним словом, всех городских жителей; и, наконец, для <шестых> слова «русское общество» значат то же самое, что рус-

* *Далее зачеркнуто:* Но всякая крутая мера, не вытекающая из жизненной необходимости и <лишь> силою власти сокрушающая старые порядки, несмотря даже на производимое ею благоприятное влияние, заключает в себе довольно значительные неудобства. Крутая мера, подобно хирургическому инструменту, пресекая зло, имеет свойство слишком сильно и притом слишком односторонне раздражать оступевшие нервы и возбуждать в организме реакцию, для уничтожения которой требуются также крутые меры. С этою целью обыкновенно и употребляют после ампутации холодные примочки. Что же касается реакции в обществе, следующей непосредственно за крутыми мерами, то ее уничтожить не так легко, как опухоль после ампутации.

ское государство. С развитием гражданственности и неизбежного при этом общения интересов, вероятно, и самое понятие общество упростится и, следовательно, резко определится. Но пока этого нет, во всяком случае, удобнее всего, разбирая наше положение, относиться к обществу как к политической единице, т. е. принимать это слово в самом обширном значении.

Чем шире понятие, тем легче применять его к отдельным случаям. В настоящем же случае это еще более важно потому, что движение, о котором идет речь, замечается не в какой-нибудь отдельной касте или сословии, но явление повсеместное в нашем отечестве, всеми почти одинаково ощущаемое и для всех равно интересное.

Определить свойства этого движения и из этого вывести замечания о характере переживаемой нами эпохи — вот в чем вопрос.

* * *

Для определения того, что происходит в нашем обществе в настоящую минуту, нельзя найти более точного слова, как слово *брожение*. Химический процесс брожения, наблюдаемый при закисании теста, есть именно тот самый процесс, который наблюдается время от времени и в человеческом обществе.

Движение, замечаемое в какой-нибудь смеси (например, в тесте) во время брожения, происходит оттого, что при соединении частиц брожденного вещества с частицами смеси и вследствие окисления последних между частицами смеси образуется большое количество газов, которые и расталкивают частицы теста, распирают их в разные стороны и, таким образом, изменяют прежние отношения между частицами теста. Точно то же происходит и в обществе, находящемся в процессе брожения. И здесь точно так же изменяется отношение между частицами, т. е. членами. Наконец, сходство между брожением теста и брожением общества до такой степени велико, что даже результаты в обоих случаях бывают одни и те же: может быть и *закись*, может быть и *перекись*, смотря по тому, как продолжителен был процесс. Но, несмотря на это, однако, у всякой аналогии, как бы она прекрасна ни была, все-таки есть граница, за которую сходство не переступает. Так же и в этом случае. Брожение в обществе идет несколько дальше кислого теста, и тут уж аналогии быть не может.

Брожение доводит тесто иногда до того, что оно, наконец, вылезает вон из квашни. В общественной жизни подобных случаев не бывает, напротив, общество даже во время сильнейшего брожения не выходит из пределов, положенных ему природою, и предпочитает дуться и топорщиться на месте до последней минуты, за которой обыкновенно следует такое или другое движение по пути прогресса или же начинается медленное опадание и застой. И в этом случае аналогия между тестом и обществом опять становится возможною. Здесь опять перекишшее тесто является верным изображением перебродившего общества. Бродилом в обществе бывают обыкновенно новые идеи. Они имеют свойство передвигать людей и ставить их в такие отношения друг к другу, в каких они еще не были. Причина появления новых идей бывает двойка: или они вырабатываются самим обществом, или же вносятся в него извне и проникают в массу путем правительственной или частной пропаганды. Впрочем, в первом случае вырабатываются, собственно, не идеи. Общество всей своей массою никаких идей никогда не вырабатывает, общество никогда не отвлекается от существующей действительности, от факта, а потому и лишено способности формулировать свои действия. Отвлеченная мысль вообще не в нравах общества; общественное сознание ограничивается так называемым практическим смыслом, который выводит немудрые свои заключения прямо из жизни и

нейдет дальше ежедневных нужд. Оно, если можно так выразиться, мыслит фактами*.

Будучи поставлено в такую тесную зависимость от существующей действительности, оно почти во всех своих действиях подчиняется силе обстоятельств. Отсюда происходит шаткость положения: обстоятельства слагаются благоприятно, и сейчас же в обществе замечается так называемый прогресс. Изменяются обстоятельства в другую сторону, и общество развращается, и искажается здравый смысл, отрицается всякая самостоятельность.

Практический смысл в этих случаях играет самую жалкую роль: он только наблюдает за ходом дел и сообразно своим целям приноравливается к обстоятельствам. Цели же эти, как известно, нейдут дальше удовлетворения ежедневных нужд. Однако в действительности не видно таких быстрых переходов из одной крайности в другую. Это происходит отчасти оттого, что в обстоятельствах, руководящих общественной жизнью, замечается тоже некоторая кажущаяся последовательность, но, главным образом, оттого, что в этой же самой зависимости, в которую поставлено общество, в зависимости от существующего факта скрывается причина силы, постоянно уравновешивающей колебания, производимые силою обстоятельств. Эта сила называется физической необходимостью.

Как ни велика сила обстоятельств, но она до тех пор только и производит влияние на ход общественных дел, пока это влияние не противоречит физической необходимости; пока оно приноравливается к ней; но так как это приноравливание не может быть постоянным, потому что сила обстоятельств не заключает в себе никаких задатков прочности и постоянства, и вообще вещь чрезвычайно шаткая и ненадежная, то эти две силы неминуемо должны время от времени приходиться в столкновение. Для того, чтобы** дело это было нагляднее, представим себе прямую линию, идущую от точки А (физическая необходимость) и протянутую в бесконечность. Это тот путь, по которому должно было бы идти общество, влекомое одною силою физической необходимости. Теперь вообразим, что из произвольно взятой в пространстве точки В (сила обстоятельств) движется другая сила под углом к первой линии. Эта вторая линия пересекает первую, потом преломляется под прямым углом, доходит до первой и сливается с нею, но потом опять выходит из нее, опять преломляется, опять пересекает и опять сливается и т. д. до бесконечности.

Эти две линии, из которых одна прямая, а другая ломаная, представляют собой две силы, два влияния, постоянно действующие на общество. Зависимость от существующего факта, т. е. от экономических, политических и других условий, поставляет людей в необходимость подчиняться этим влияниям. Но так как эти последние действуют не всегда в одинаковом направлении, то люди обыкновенно избирают средний путь, т. е. такой, где человек, не выходя совершенно из-под влияния обстоятельств, так приноравливается к ним, что находит средство не очень противоречить и физической необходимости. Это-то, собственно, и называется развратом. То, что мы привыкли позорить этим названием, кажется детскою шалостью в сравнении с тем, что делает человек, лавирующий между силою обстоятельств и законными требованиями своей природы.

Но как бы развращена ни была среда, идущая путем практических беззаконий, все-таки в людях всегда остается настолько здравого смысла,

* *Далее зачеркнуто:* Новая идея, выработанная самим обществом, это тот простой и практический вывод, это та житейская мудрость, которые приобретаются опытом и нейдут дальше существующего факта. Например, опыт показал, что такое-то отношение между такими(-то) членами общества для обоих выгодно, житейская мудрость выводит из этого заключение, что если ты будешь поступать так

** *Слова:* Для того, чтобы, по-видимому, по ошибке зачеркнуты в рукописи.

т. е., другими словами, все-таки физическая необходимость настолько сильна и разумна, что всякий раз, когда дело дойдет до точки, где эти две силы пересекают друг друга и расходятся в разные стороны и когда сила обстоятельств начинает уж очень тянуть в свою сторону, всякий раз в это время пробуждается в людях потребность борьбы за свою независимость, является небывалая отвага и желание подчинить себе обстоятельства. Впрочем, это всегда кончается пустяками. Так как обстоятельствам легче измениться, нежели физической необходимости, то они обыкновенно в этих случаях и изменяются, и все устраивается к общему удовольствию. И опять пошла канитель до нового столкновения.

Но прежде, нежели произойдет это примирение, в обществе обыкновенно случается небольшой нравственный кризис, который начинается брожением умов и кончается сделкою с обстоятельствами. Для этой сделки всякий раз придумываются новые условия, уступки, гарантии и т. п. Как ни постыдны бывают сделки такого рода, но, во всяком случае, каждая новая сделка есть маленький новый шаг вперед, и для того, чтобы его сделать, все-таки требуется некоторая доля самоотвержения, некоторое напряжение мысли. Вот тут-то и родится в обществе нечто, имеющее свойство производить перестановку в отношениях.

Это нечто, являющееся на свет при подобных обстоятельствах, бывает очень похоже на нового учителя, который, придя в класс и перебрав учеников, размещает их по-своему*, и тут большею частью первые становятся последними, а последние—первыми.

Нечто называют обыкновенно новою идеею, но, в сущности, это вовсе не идея, это просто осязательно ясный практический вывод из прежде существовавших отношений. Как бы ни были уродливы и тяжелы раз установленные отношения, но с ними сживаются и даже до такой степени, что настоящий смысл их утрачивается совершенно подобно тому, как утратилось значение аксельбантов на адъютантском мундире. Например, какому адъютанту может прийти в голову, что аксельбанты — это веревки, которыми связывают преступника перед совершением казни, и что адъютант есть ликтор, обязанный сопровождать повсюду трибуна и по его приказанию производить расправу. Первоначальный смысл как самой должности, так и принадлежащего адъютанту костюма утратился совершенно, тем не менее и то и другое существует. Точно таким образом утрачивается первоначальный смысл множества разных вещей, слов, обычаев, костюмов; той же участи подвергаются и отношения гражданские, семейные, служебные и проч. От долгого употребления они изнашиваются и бледнеют, идея, положенная в их основание, исчезает совершенно; остается один обряд, которым все тяготеется, но не исполнять не решаются.

Между тем проходят годы. Все идет как по маслу: обряд совершается, о значении его никто и не думает; вдруг сваливается с неба какая-нибудь неожиданная беда и производит всеобщий переполох. Люди в испуге хватаются** за разные заклинания, за разные заговоры, но заклинания не спасают, заговоры не действуют. Тут только все начинают догадываться, что все это было ложь и обман и тут только становятся ясными, как день, те нелепые отношения, которые установились сами собою на основании этой лжи и обмана. А из этого также нетрудно заметить, что метод, употребляемый обществом для выработки новых отношений, есть метод отрицательный. И вот этот ясный, простой и обязательный практический

* *Далее зачеркнуто:* на том основании, что многие, считавшиеся хорошими, ничего не знают, а сидящие на задней лавке, считавшиеся лентяями, оказываются отличными учениками.

** *Далее зачеркнуто:* за свои обычаи, за свое оружие, но обычно оно не действует, оружие не стреляет.

вывод из прежде существовавших отношений и составляет нечто очень важное и в то же время очень новое; люди, благодаря которым является необходимость прибегать к решительным мероприятиям, не так легко могут бросать старые привычки и усваивать себе новые. А до какой степени велика сила этой привычки, видно из того же хирургического примера. Человеку, у которого отрезана нога, очень долго кажется, что он может шевелить пальцами*.

Прежде всего не следует забывать, что новые идеи, являющиеся время от времени в разных сферах знания и с разных сторон влияющие на ход общественной жизни, никогда не проникают в эту жизнь путем сознания и притом в той чистоте и последовательности, какими они явились впервые** в голове мыслителя.

Являются ли они в форме обязательных законоположений или в виде литературных произведений, влияние этих идей будет равно бесплодно и не произведет существенной перемены в людских отношениях, если в обществе нет достаточной подготовки для этой перемены и не чувствуется необходимости в перестановке отношений. Если же, несмотря на это, реформа все-таки неизбежна и усвоение новой идеи становится обязательным, то жизнь в этом случае сумеет всегда так ловко ухитриться, что самые пронизательные люди легко впадают в заблуждение. Человек, поставленный в необходимость сделать, по его мнению, вовсе ненужное дело, всегда сумеет извернуться, и дело кончится тем, что формальность исполнена, а, в сущности, все осталось по-прежнему. Да иначе и быть не может. Если я не понимаю смысла того, что от меня требуется, и в то же время не могу не исполнить требования, то очень понятно, что я все внимание свое обращаю на внешнюю формальную сторону дела и постараюсь прикинуться делающим то, что от меня требуют. Если же притом требуется для меня невыгодно или неприятно, то я, вероятно, придумаю такую штуку, которая даст мне возможность даже и то, что, по-видимому, мне невыгодно и неприятно, устроить так, чтобы мне было и выгодно и приятно. Таким образом прививаются новые идеи. Что же удивительного, что вслед за одной крутой мерой сейчас же чувствуется необходимость в другой, еще более крутой мере. Это происходит оттого, что для осуществления известной идеи требуется сознание, которого в обществе обыкновенно не оказывается тогда, когда это нужно. Потому-то самые благодетельные и самые лучшие средства в руках формалиста никому не приносят пользы. Зайца, например, выучивают стрелять из пистолета. Понятно, что для зайца эта стрельба имеет совершенно не то значение, какое она имеет для человека, потому-то оно и выходит смешно. Дергая за курок, заяц щурится и отворачивается по той причине, что смертельно боится выстрела, но так как палки он еще больше боится, то и стреляет. Но если бы в то время, когда заяц собирался стрелять, вдруг бы бросилась на него собака, то, несмотря на то, что в руках у него отличное средство против собак, заяц кинет пистолет и будет спасаться бегством.

Почему заяц не выстрелил в собаку, а бросил оружие? Потому, что он формалист, не понимающий истинного назначения той вещи, которой он владеет. Стрельба из пистолета имеет для него единственное и простое значение, это средство избежать наказания.

<1865 г.>

Автограф. ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, лл. 47—56.

* *Перед этим абзацем в начале страницы написаны слова: так легко, как опухоль после ампутации, являющиеся заключительной частью зачеркнутых строк, воспроизведенных нами в подстрочном примечании на стр. 372.*

** *Слова: явились впервые, по-видимому, по ошибке зачеркнуты в рукописи.*